

УДК 94(470.47)

UDC 94(470.47)

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

**ПОВИННОСТИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ
АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ****THE SOURCE TO STUDY THE SOCIO-
DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE
KALMYK STEPPES OF ASTRAKHAN
PROVINCE IS BASED UPON THE DUTIES OF
THE KALMYK PEOPLE**Оконова Людмила Вячеславовна
к.и.н*Калмыцкий институт гуманитарных
исследований Российской академии наук
Элиста, Россия
e-mail: okonova.lv@gmail.com*Okonova Ludmila Vyacheslavovna
Cand. Hist. Sci.*Kalmyk Institute for Humanities of the Russian
Academy of Sciences
Elista, Russia
e-mail: okonova.lv@gmail.com*

В данной статье рассматриваются сводные годовые отчеты Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ и Управления калмыцким народом, начиная с 1848 по 1892 гг. Автор на основе большого фактического материала в своей работе дал подробный анализ отбывания повинностей калмыков, которые имели силу de jure. Они содержат данные об уплате податей, взимаемых администрацией, установленных законодательными актами — Положением об управлении калмыцким народом 1834 года и Положением по управлению калмыцким народом от 23 апреля 1847 года. Разница между законодательными актами состояла в определении размера повинностей. В этой связи следует отметить, что отчеты не могут быть источником для исследования тех повинностей, которые были вне компетенции калмыцкого управления. Администрацию в первую очередь интересовали итоги сборов оклада и недоимок по каждому виду повинностей в отдельности и в целом по степи. Проведенный анализ свидетельствует о том, что отчеты в силу своей специфичности дают далеко неполное представление о повинностях, находившихся под контролем администрации, не говоря уже о тех, которые были вне ее компетенции. Они представляют бухгалтерский отчет по итогам ежегодного сбора недоимок по каждому виду повинностей в отдельности и в совокупности. Так называемая статистика окладного и неокладного податного сословия носит условный характер

This article reviews the summary of the annual reports of the Horde branch of the Astrakhan chamber for state property and Management of the Kalmyk people, 1848-1892. The Author gave a detailed analysis of the serving duties of the Kalmyks who had the power de jure, on the basis of extensive factual material. It contains data on payment of taxes charged by the administration and established by the following legislative acts: by regulations on the management of the Kalmyk people dated 1834 and regulations for the management of the Kalmyk people dated April 23, 1847. The difference between these legislative acts was in determining the size of the duties. The administration was primarily interested in the total amount of salary collections and arrears for each type of individual duty and also as a whole across the steppe. Due to the specificity the analysis doesn't show the whole picture of the duties which came under the control of the administration, not to mention those who were outside its competence. The reports represent accounts for the annual collection of arrears for each of the duties individually and also in the aggregate. The so-called statistics of the okladnoy and neokladnoy taxable estate is conditional in nature

Ключевые слова: ОРДЫНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АСТРАХАНСКОЙ ПАЛАТЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ,
УПРАВЛЕНИЕ КАЛМЫЦКИМ НАРОДОМ,
СВОДНЫЕ ГОДОВЫЕ ОТЧЕТЫ, ПОВИННОСТИ,
ПОКИБИТОЧНЫЙ СБОР, ОКЛАДНЫЕ И
НЕОКЛАДНЫЕ КИБИТКИ, НЕДОИМКИ

Keywords: HORDE BRANCH OF THE
ASTRAKHAN CHAMBER OF STATE
PROPERTIES, MANAGEMENT OF THE KALMYK
PEOPLE, SUMMARY ANNUAL REPORTS,
TRESPASS, POKIBITOCHNY TAX, OKLADNYE
AND NEOKLADNYE TENTS, ARREARS

Doi: 10.21515/1990-4665-123-111

Сводные годовые отчеты являются основным видом отчетной делопроизводственной документации, известных в практике управления как отчеты того или иного учреждения. Отчеты являются также важным историческим источником, раскрывающим политическое, социально-экономическое и культурное развитие Калмыцкой степи Астраханской губернии.

Одним из средств выражения феодальной зависимости калмыков-простолюдинов вплоть до отмены «обязательных отношений» 16 марта 1892 г. являлось отбывание повинностей. Податная система калмыков привлекала внимание различных авторов [1, с. 90–113; 2; 3; 4; 5]. Однако сводные годовые отчеты с точки зрения отбывания повинностей не подвергались специальному источниковедческому анализу.

В общегодовых отчетах Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (далее АПГИ) и Управления калмыцким народом (далее УКН), начиная с 1848 по 1892 гг. нашли отражение те из повинностей, которые имели силу *de jure*. Они содержат данные об уплате податей, взимаемых администрацией, установленных законодательными актами — Положением об управлении калмыцким народом 1834 года и Положением по управлению калмыцким народом от 23 апреля 1847 года. Разница между законодательными актами состояла в определении размера повинностей. В этой связи следует отметить, что отчеты не могут быть источником для исследования тех повинностей, которые были вне компетенции калмыцкого управления. Администрацию в первую очередь интересовали итоги сборов оклада и недоимок по каждому виду повинностей в отдельности и в целом по степи. Особое внимание уделялось итоговым годовым бухгалтерским отчетам по итоговым окладам, сбору недоимок и некоторым замечаниям главных попечителей о ходе исполнения повинностей. Соответственно каждому виду податей к отчетам прилагались ведомости о поступлении сбора на содержание

калмыцкого управления, о сборе албана или дохода владельческого, состоящих под опекою улусов, о сборе на общественные надобности, на исправление некоторых натуральных повинностей. В период с 1857–1861 гг. появляется «ведомость о поступлении сбора с калмыков, не имеющих родовых (аймачных) зайсангов, в общественный калмыцкий капитал». Чуть позже с 1860-х годов в отчеты вводится сводная ведомость о состоянии недоимок по разным сборам с каждого улуса в отдельности и в целом по Калмыцкой степи. Более или менее систематически сведения об уплате податей крещеными калмыками начинают помещаться в отчетах в 1880-х годов. До этого времени учет повинностей крещеных простолюдинов, не пожелавших быть зачисленными в разряд государственных крестьян, не учитывался. Возможно, что это было по причине малочисленности указанных калмыков, отдельных сведений о них в отчетах не отражалось.

Общеизвестным является тот факт, что повинности, находившиеся под контролем администрации взимались с кибитки простолюдина. Отсюда не случайно присутствие в отчетах графы, учитывающей «число окладных кибиток» во всех отчетных ведомостях, касавшихся как отбывания повинностей, так и демографической статистики.

Согласно Положению 1834 и 1847 гг. кибитка простолюдина отождествлялась с понятием семьи и взимание денежных и натуральных податей должно было производиться в равной мере с каждой кибитки или семейства. Поэтому никто из сословия простолюдинов не освобождался от повинностей, и по закону каждая семья-кибитка должна была в равной степени отбывать причитающиеся с нее повинности.

Но, судя по содержанию отчетов податное сословие делилось на окладное и неокладное. Взнос производился исключительно кибитками простолюдинов, положенных в оклад, а так называемые неокладные кибитки не участвовали в выполнении повинностей. Следовательно

возникает вопрос, что составляло основу и содержание подобной градации, и чем она была вызвана. По всей вероятности, она являлась отражением взимания податей.

Так в отчете Ордынского отделения за 1862 г. сообщается, что калмыки, не имевшие собственного скотоводства оплачивают подати посредством рабочего найма, и далее, при распределении натуральных повинностей простолюдины стремятся скрыть фактический размер своего скотоводства [6]. Отсюда следует, что признаками платежеспособности той или иной кибитки простолюдина являлось наличие рабочей силы и ее экономическая состоятельность.

В первую очередь полноту и достоверность данных сведений определяли и гарантировали фискальные цели администрации. Именно фискальный интерес способствовал ведению постоянного и текущего отчета податного сословия. Учет осуществлялся различными средствами, в число которых входило прямое запрещение любому калмыку-простолюдину отлучаться за пределы своего хотона без специального разрешения (билета или свидетельства). Кроме того, сборщики податей (демчеи) обязывались представлять вместе с собранными ими сборами именные списки по каждому аймаку и улусу в целом. В последних указывался поименный и возрастной состав каждой семьи, количество принадлежавшего ей скота, основное занятие и сумма внесенного оклада.

Время от времени проводились проверки и переписи населения с одновременным выяснением размеров скотоводческого хозяйства каждой кибитки простолюдина в отдельности. В практике сбора повинностей названные переписи приобретали особое значение, так как их результаты служили исходными данными при начислении и взносе повинностей в последующие годы. Само собой разумеется, что недочеты переписей отрицательно сказывались на статистике окладных кибиток.

Немаловажную роль играла существовавшая круговая порука при распределении и исполнении повинностей. Она обеспечивала заинтересованность каждого члена в том, чтобы сосед не уклонялся от отбывания повинностей и не скрывал свою хозяйственную состоятельность.

Одновременно вышеперечисленные обстоятельства, особенно фискальные цели администрации, побуждали податное сословие представлять заниженные данные.

Определенное влияние на достоверность оказывали такие факторы, как взыскание повинностей с тех кибиток, которые по истечению ряда лет после переписи (или включение в оклад) становились неплатежеспособными. В таком случае полагавшаяся с них подать продолжала взыскиваться с общества или зачислялась в недоимку. Так по предварительным сведениям главного попечителя на конец 1874 г. из 23244 кибиток, ранее зачисленных в оклад по переписи 1868 г. около 1404 кибиток убыло в результате оспенной эпидемии в 1872–1873 гг. Кроме того имелось большое число семейств, в которых остались вдовы и сироты. Поэтому не случайно Управлением калмыцким народом ставился вопрос «освободить народ от платежа за вымершие кибитки и положить в оклад те, которые имеют "скотоводство или мужскую рабочую силу, а прочих исключить из оклада", то есть ставился вопрос о новой переписи» [7].

Изложенный случай наглядно свидетельствует о практиковавшемся завышении показателей окладного населения, так как в его число включались как «мертвые», так и неплатежеспособные кибитки. Вместе с тем отчеты не позволяют установить в каких случаях неплатежеспособное население (то есть кибитки, не имевшие хозяйства и кормильцев) зачислялось в разряд окладных. Несомненно, что в неокладных кибитках со временем появлялась рабочая сила и с точки зрения администрации она

становилась вполне платежеспособной, но с какого времени она включалась в состав окладного населения неизвестно.

Далее часто в пределах одного и того же отчета наблюдается несовпадение одноименных показателей или даже такие случаи, когда общее количество окладных кибиток превышает численность населения простолюдинов. Имеют место и такие факты как повторение данных на протяжении нескольких лет. С одной стороны подобные случаи говорят о том, что при составлении разных ведомостей использовались не всегда одни и те же источники, с другой — исключалась возможность обращения к данным одной ведомости в пределах одного года или нескольких лет. Иначе говоря, в каждом конкретном случае требуется сопоставление сведений между отдельными ведомостями за один исследуемый год и за предшествовавшее и последовавшее время.

Таким образом, рассмотренные нами отдельные моменты показывают определенную условность статистики окладного населения, представленной в отчетных ведомостях. Несомненно, особенности последней сказывались на ежегодном исчислении оклада недоимок по каждому улусу в отдельности и в целом по Калмыцкой степи и в свою очередь обуславливали их достоверность и полноту.

Однако такие свойства как условность, неполнота, а порой формальный характер отчетных сведений, отражавших отбывание повинностей не являются обоснованием для отрицательного к ним отношения.

В качестве источника отчеты дают общее и далеко неконкретное представление об исполнении повинностей податным сословием. Это объясняется тем, что Ордынское управление и Управление калмыцким народом интересовали прежде всего финансовый итог сборов по каждому виду податей. Поэтому отчеты не отражают таких вопросов как принцип раскладки натуральной повинности, злоупотребления и различного рода

отступления от закона при взимании и оплате повинностей и т. д. Но при всех недочетах, они показывают следующее:

Во-первых, установленный размер покибиточного оклада Положением 1834 г. не изменялся, то есть до отмены «обязательных отношений» в 1892 г. он равнялся 8 руб. 15 коп. серебром, из которых предназначалось на содержание управления 7 руб. 58 коп. в улусах казенных, а во владельческих 44 коп.; в доход улусовладельцев 7 руб.14 коп. и в пользу аймачных зайсангов 57 коп., а в случае отсутствия их 57 коп. шли в счет сумм общественного калмыцкого капитала.

Во-вторых, что касается натуральной повинности, то ее содержание и форма подвергались изменениям. Так, в начале 1860-х годов Министерству государственных имуществ было разрешено простолюдином отбывать названную повинность как денежно, так и натурально; в 1868 г. с введением полицейской службы каждый улус обязывался для нее назначать ежегодно по 100 конных и вооруженных калмыков взамен наряда 200 человек, которые ранее предназначались для службы на кордонную линию, занимаемую Астраханским казачьим войском.

Изменения объяснялись рядом обстоятельств, которые, кстати сказать, не нашли непосредственного отражения в разделе отчетов «Натуральные повинности». Но как свидетельствуют другие разделы отчетов, они были связаны с растущим обеднением и увеличением числа калмыков простолюдинов, не имеющих хозяйства и лишенных возможности поставить, например, подвод, кибитку, скот или лично отбывать повинности. По всей вероятности, были и другие причины, которые в отчетах не раскрываются.

По расчетам Управления калмыцким народом стоимость натуральной повинности для каждой окладной кибитки в 1870–1880 гг. обходилась в среднем в 3–4 рубля серебром в год [8].

Таким образом, общая сумма ежегодного сбора с семьи простолюдина составляла в среднем 12 руб., а в отдельные годы достигала 17 рублей [9].

Отчеты не дают никаких статистических сведений об окладных кибитках простолюдинах, которые практически отбывали и не отбывали повинности. Они содержат лишь суммарные данные положенного оклада, его ежегодный взнос и недоимку по взносам за предшествующие и отчетный год. Однако, судя по отдельным замечаниям главных попечителей и их заключениям можно сказать, что окладное население простолюдин разделялось на имевшее и неимевшее скотоводство, то есть по хозяйственной состоятельности. Те, которые являлись обладателями хозяйства, достаточного для собственного содержания и отбывания повинностей оплачивали подати посредством продажи скота. Поэтому такие явления, как например, заболевания скота, суровые зимы, колебание рыночных цен и торговый спрос влияли на успешность оплаты и сбора повинностей. Так, после тяжелой зимы 1875/1876 гг. и в связи с застоем в торговые в течении 1877 г. в Малодербетовском улусе в доход улуса владельца с 7947 окладных кибиток поступило всего 16207 руб.74 коп. (в счет недоимок предшествующих лет — 770 руб и оклада 1877 г. — 15437 руб. 74 коп.), в то время как положено было собрать 5671 руб. 58 коп.

Подобные меры фактически являлись безрезультатными и Управление калмыцким народом начиная с 1860-х годов ставит вопрос об изменении кибиточной системы взимания податей и уменьшении размеров денежных повинностей, т. к. они являлись несоразмерными с общим материальным благосостоянием калмыцкого народа.

К моменту отмены «обязательных отношений» на начало 1892 г. общий недобор составил: на содержание управления — 840241 руб. 51 коп. и с калмыков, не имеющих аймачных зайсангов в пользу общественного калмыцкого капитала 24342 руб. 49 3/4 коп. [10].

Проведенный анализ раздела отчетов «Повинности» позволяет нам сделать вывод о том, что отчеты в силу своей специфичности содержат далеко неполные сведения, касавшиеся отбывания повинностей. Фактически в них нашли отражение те из них, которые находились в ведении администрации, т.е. Ордынского отделения АПГИ и УКН. Они представляют бухгалтерский отчет по итогам ежегодного сбора недоимок по каждому виду повинностей в отдельности и в совокупности. Так называемая статистика окладного и неокладного податного сословия носит условный характер. Степень ее достоверности и полнота были обусловлены общим состоянием демографической статистики; недочеты последней нашли конкретное выражение в первой. При непосредственном обращении к ней следует обязательно сопоставлять одноименные показатели как в пределах одного отчета, так с предшествующими и последующими годами. Следует учитывать, что кибитки простолюдинов, числившихся как окладные, заключали в себе как наличные, так и мертвые кибитки. В целом отчеты раскрывают лишь отдельные стороны и дают далеко неполное представление о повинностях, находившихся под контролем администрации, не говоря уже о тех, которые были вне ее компетенции.

Библиографический список:

1. Бурчинова Л.С. Повинности калмыцкого крестьянства в период утверждения капитализма в России (60-е и начало 90-х годов XIX в.) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства в дооктябрьский период. – Элиста, 1989. – 117 с.
2. Батыров В.В. Налоги и повинности калмыков-простолюдинов в конце XVIII и в XIX вв. // Вестник института. – №17. – Элиста, 2002. – С. 143–149.
3. Батыров В.В. Социальная структура калмыцкого общества, налоги и повинности // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. – Элиста, 2009. – Т. 1. – С. 559–571.
4. Лиджиева И.В. Финансово-хозяйственная деятельность органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – №1. – С. 16–21.
5. Лиджиева И.В. Финансово-хозяйственная деятельность органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX в. // Генезис: исторические исследования. – 2015. – №6. – С. 362–392.

6. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 6. Оп. 1. Д. 166. Л. 39 об.-40 об.
7. НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 20. Л. 46–47 об.
8. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 87. Л.12–12 об.
9. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 99. Л.7 об.
10. НАРК. Ф. 9, Оп. 1. Д. 109. Л. 71 об.-72.

References

1. Burchinova L.S. Povinnosti kalmyckogo krest'yanstva v period utverzhdeniya kapitalizma v Rossii (60-e i nachalo 90-h godov XIX v.) // Social'no-ehkonomicheskoe i politicheskoe polozhenie krest'yanstva v dooktyabr'skij period. – EHlista, 1989. – 117 s.
2. Batyrov V.V. Nalogi i povinnosti kalmykov-prostolyudinov v konce XVIII i v XIX vv. // Vestnik instituta. – №17. – EHlista, 2002. – S. 143–149.
3. Batyrov V.V. Social'naya struktura kalmyckogo obshchestva, nalogi i povinnosti // Istoriya Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 3-h t. – EHlista, 2009. – T. 1. – S. 559–571.
4. Lidzhieva I.V. Finansovo-hozyajstvennaya deyatel'nost' organov mestnogo samoupravleniya Kalmyckoj stepi v XIX v. // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN. – 2015. – №1. – S. 16–21.
5. Lidzhieva I.V. Finansovo-hozyajstvennaya deyatel'nost' organov mestnogo samoupravleniya Kalmyckoj stepi v XIX v. // Genezis: istoricheskie issledovaniya. – 2015. – №6. – S. 362–392.
6. Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykiya (NARK). F. 6. Op. 1. D. 166. L. 39 об.-40 об.
7. NA RK. F. 9. Op. 1. D. 20. L. 46–47 об.
8. NARK. F. 6. Op. 1. D. 87. L.12–12 об.
9. NARK. F. 6. Op. 1. D. 99. L.7 об.
10. NARK. F. 9, Op. 1. D. 109. L. 71 об.-72.